

Агент силовой разведки

Автор:

[Михаил Нестеров](#)

Агент силовой разведки

Михаил Нестеров

Спецназ ГРУ

Такой куш стоит того, чтобы за него драться! «Восточный фонд» – бесценная коллекция художественных ценностей, собранная агентами ГРУ за многие годы. Это – неприкосновенный запас военной разведки, материальная база для проведения самостоятельных дорогостоящих операций. Коллекция хранится в укромном месте в Тунисе, и знает о ней лишь узкий круг посвященных – группа спецагентов-ликвидаторов ГРУ. Но один из них, Вадим Мартьянов, захотел присвоить все эти сокровища. Он открывает охоту на своих товарищей, посвященных в тайну, и те гибнут один за другим. В живых остается последний – Виктор Лугано, лучший из ликвидаторов. Узнав, кто стоит за убийствами его боевых друзей, он клянется отомстить предателю...

Михаил Нестеров

Агент силовой разведки

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Автор выражает особую признательность

авторам книги «Ювелирное дело»

Кеннету Блейкмору и Эдди Стэнли

за использование их материалов в своей книге.

ГЛАВА 1

Предатель

Москва, 23 декабря 1991 года, понедельник

Александр Болотин открыл папку, которую ему на стол положил помощник, и через минуту ахнул: «Не может быть!» Прошел час или два, прежде чем он потревожил своего помощника вопросом:

– Кто еще знает об этом деле?

– Вадим Мартьянов. Он один из личных агентов начальника ГРУ, – доложил полковник Егоров. – Это его документы у вас на столе.

– И чего же хочет этот Мартьянов?

– Может быть, он сам ответит на этот вопрос?

– Он что, в приемной?

– Нет. Но в течение получаса я доставлю его к вам. Разрешите идти?

– Нет, погоди.

Мартьянов – один из личных агентов ГРУ. Генерал мысленно присвистнул, как если бы был шефом иностранной разведки, с которым пошел на контакт сотрудник Главного разведывательного управления.

Генерал, взяв паузу, тем самым разжигал свое любопытство, что давно вошло у него в привычку; на этой почве, наверное, и родилось у него выражение: «Скучных уголовных дел не бывает».

Что собой представляет личный агент? Агент – не обязательно офицер. А так он – часть «директорского» набора, состоящего из командного центра ГРУ, нелегальных разведчиков и личных агентов. Пятый туз в колоде директора – отборные подразделения девяти военных округов, четырех флотов и одной флотилии: армейский спецназ.

– Ну что же, пригласи его ко мне, – распорядился Болотин. И засек время.

Ждать он собирался полчаса ровно, а дальше во всей красе проявится его нетерпение. Он снимет трубку селекторной связи, потревожив адъютанта: «Где Егоров?» – еще пять минут, и он выйдет в приемную: «Ну так где он?» Кроме любопытства Александр Болотин страдал нетерпением и умело разжигал его, а потом вымещал злость на подчиненных.

Приказом президента он был назначен на пост начальника Министерства безопасности и внутренних дел. Один росчерк президентского пера, и он стал вседержителем: в одной руке скипетр, олицетворяющий МВД, в другой держава – госбезопасность страны с ее внешней разведкой, контрразведкой, пограничной службой и так далее. В его руках оказалась такая власть, которая не снилась ни одному джинну. Перед ним сломались все печати, хранившие тысячи, миллионы секретов, начиная с самых чистых (для него оказалось откровением, что есть и такие) и заканчивая самыми грязными. Нет, он не копался в пыльных архивах – ему несли секреты как подношения те, кто хотел подсидеть свое начальство или просто люто и порой беспричинно ненавидел его; были и те, которые хотели угодить шефу этого могущественного аппарата.

Александр Болотин представил себе тучного, с крутыми залысинами и пронизательным взглядом человека лет сорока с небольшим. Тем не менее воображение подвело его: личный агент начальника ГРУ оказался модно одетым, с хорошей выправкой человеком около сорока. Однако тяжелая роговая оправа

была ему не к лицу. Ему бы подошла золотистая «Эра», фактически без ободков; очки в такой оправе носила одна из секретарей Болотина. Несколько мгновений, и генерал изменил мнение, подумав: «Ему на роду написано носить темные очки». Глаза агента, остановившегося в центре огромного министерского кабинета, отдавали холодной синевой и смотрели будто из морозильной камеры.

– Ваше имя...

– Вадим Мартьянов. Здравствуйте!

Болотин заменил приветствие предложением присесть за низкий столик для бесед, за которым чаще всего играл в шахматы со своим адъютантом, Сергеем Миронниковым; у того был разряд по шахматам, и играть с ним было интересно. Болотин мог себе позволить не больше двух-трех партий в неделю.

Мартьянов сел на стул и закинул ногу на ногу, открывая на обозрение длинный черный носок, расстегнул пуговицу на двубортном пиджаке.

– Всегда одеваетесь строго? – не удержался от вопроса министр, сравнив визави с карьерным дипломатом.

– Ну, дома, на диване, деловому костюму предпочитаю спортивный.

– Хорошо, к делу. Есть ли связь между вами и начальником ГРУ?

– Да, я нахожусь в его прямом подчинении. Я могу закурить?

Болотин кивнул: да.

Мартьянов прикурил дорогой «Ротманс», пачку сигарет положил на столик – как предложение министру закурить и как бы укрепить связь между ними. Болотин не стал «обезьянничать». Он дотянулся до рабочего стола и прикурил свою сигарету, заодно поставил на стол пепельницу.

– Теперь такой вопрос: вы отдаете себе отчет, к кому обратились?

– Да, – уверенно кивнул Мартьянов. – Если бы я не знал, что вы требовательны к себе и окружающим, резки и беспощадны к коллегам, однако без мстительности, и по природе прямолинейны, я бы отказался от встречи.

Болотин удивленно вскинул брови.

– Любопытно. В такой форме я впервые слышу отзыв о себе. Можете продолжить в этом ключе или ваш запал иссяк на этом?

– Вы человек целеустремленный, тем не менее стремитесь упростить проблему. В конфликте больше защищаете свой авторитет, нежели честь мундира. Информацию воспринимаете в качестве «важной» только от проверенных и доверенных лиц. Умеете спокойно работать в атмосфере самоуважения; склонность подстраиваться к окружению у вас отсутствует напрочь. К чужим неудачам – вне вашего окружения – вы дышите ровно: сдохла не ваша, а чужая корова. Временами на вас накатывает кратковременная депрессия.

– Bravo! – театрально отреагировал Болотин. – Кто автор моего психологического портрета?

– Его составил безымянный психолог из ведомства военной разведки.

– О себе можете отозваться в таком же ключе?

– Я уверен и активен, стремлюсь к независимости. Я терпелив; все новое усваиваю быстро и не довольствуюсь тем, что есть. Я не ищу легкой жизни и легких путей.

– Ваш начальник отзывается о вас так же?

– Кто, простите? Я личный агент Директора.

– Ах да... Последний вопрос: что не знает о вас ваш начальник?

– Только одно: что я буду копать дальше дозволенного.

– Это трудно скрыть.

– Так и есть, – улыбнулся Мартьянов. Он неожиданно подался вперед, однако продолжил все тем же бесстрастным голосом: – У вас роскошный особняк, насчитывающий сорок комнат, богатая коллекция живописи, ювелирных украшений. Съезд с дороги, ведущий к особняку, «прикрыт» дорожными знаками «Тупик» и «Проезд запрещен» и разметкой желтого цвета, обозначающей границу проезжей части. На протяжении всего пятикилометрового пути до особняка насчитывается четыре милицейских поста и восемь патрульных машин. За пятьсот метров до ворот – система «Барьер», способная остановить груженный «КамАЗ».

Теперь Болотин подался вперед. Тем не менее вопрос: «Откуда вы это знаете?» – так и не прозвучал. Его собеседником был разведчик. Он показал себя неплохим психологом... В этой связи Болотин вспомнил о прошлогодней встрече с человеком, который оказался экспертом в области психологии. Он удивил министра одной только вещью, попросив лист бумаги с его рабочего стола. «Нет, нет, чистый лист мне не нужен». И он получил то, что потребовал. Болотин писал на чистом нелинованном листе, и хотя исписал их тысячи, все равно строчки чуть поднимались вверх, и эта деталь говорила в пользу напористости его характера: вера в удачу и любое начатое им дело. Вот это-то и поведал ему эксперт. И, конечно же, оказался прав.

– Вернемся к делу, – предложил Болотин.

Мартьянов отреагировал незамедлительно:

– Вы что-нибудь слышали об агентурной группе «Восток»?

«Что-то связанное со СМЕРШем?» – пронеслось в голове министра.

– Рассказывайте. Мотивы вашего обращения поберегите на финал.

Мартьянов поменял положение на стуле. И начал издали. Болотин заметил, что его мысленная связка со СМЕРШем была излишней.

– В мае 1918 года был создан Всероссийский Главный штаб. Разведка в нем сконцентрирована в военно-статистическом отделе Оперативного управления. И почти сразу же возникла необходимость создания группы агентов.

– У кого, простите, возникла такая необходимость?

– У начальника разведки.

– Продолжайте.

– Группа была сформирована из семи человек – по числу отделений разведчасти. Первое отделение – разведывательное. Второе и третье – германское и австрийское направления соответственно. Четвертое и пятое – скандинавское и романское. Шестое и седьмое – дальневосточное и ближневосточное. Эти семеро агентов находились в личном подчинении начальника разведчасти ВСО – военно-статистического отдела, – напомнил Мартьянов. – Они стали пионерами в области реализации специальных операций. Каждый агент отвечал за свой номерной сектор. Но только один агент не имел своего направления. Он представлял 1-е, разведывательное отделение и мог в случае оперативной или иной необходимости стать в пару к кому-либо из шестерки. Фамилия этого первого агента – Панин. Николай Ильич Панин. На момент формирования группы ему едва исполнилось двадцать пять лет. По сути, он был универсалом, выполняя секретные поручения начальника Оперативного управления в любом из перечисленных мною регионов, будь то скандинавские страны или страны Ближнего Востока.

Мартьянов прикурил очередную сигарету и продолжил:

– 1918 год. Смута как в самой молодой России, так и в Европе, оказавшейся многодетной соседкой революционерки. Ликвидация нежелательных лиц в России и за рубежом – это было главной задачей агентов Панина. Но была и другая сторона их деятельности, о которой я расскажу позже.

Болотин согласно покивал. Он слушал внимательно, сцепив пальцы рук, со стороны казалось – с напряжением. Он был немного удивлен тем, что Мартьянов оказался хорошим рассказчиком. Наверное, тому способствовала обстановка кабинета: через плотно запахнутые шторы даже в солнечный день едва проникал свет. Настольные лампы с зелеными абажурами – вот что было основным источником света и придавало его хозяину вдохновения.

Тем временем Мартьянов продолжал:

– Структура военной разведки менялась часто; на жаргоне агентов – линяла. А эта семерка продолжала функционировать, и состав ее не менялся. Даже в пору Регистрационного управления Полевого Штаба РВСР и Разведуправления Штаба РККА. В 1937 году по личному распоряжению начальника разведупра число агентов удвоилось. Но не потому, что возросло число задач или расширились их функции. Только для того, чтобы первая семерка смогла подготовить себе смену.

– Могу представить, что стало со «стариками», проработавшими на разведку два десятка лет. 37-й год, вы сказали? – министр многозначительно приподнял бровь.

Мартьянов покачал головой:

– Смена поколений прошла тихо. Например, Николай Панин ушел в мир иной в почтенном возрасте.

– Вас заинтересовала судьба Панина. Почему?

– Вы плохо слушали. Извините.

– Постойте, вы хотите сказать, что...

– Совершенно верно, – кончиками губ улыбнулся Мартьянов. – Мой порядковый номер в агентурной группе – первый.

Если бы Болотин не знал структуру Главного разведывательного управления, задач его руководителя (часто его называли Директором), его личного окружения, то усомнился бы в правдивости своего гостя.

Он сказал, что состав группы зависел от величины разведывательного аппарата. Впрочем, это интерпретация его слов в исполнении Болотина, но суть от этого не менялась. С годами разведывательный аппарат разросся, расширились задачи и фронт работ, а значит, число агентов должно было вырасти минимум в два раза. Основных управлений в ГРУ – тринадцать, вспомогательных управлений и отделов – семь. С другой стороны, к чему Директору целый отряд личных агентов? И министр спросил, предугадывая ответ:

- Вас так и осталось семеро?

- Да.

- Задачи прежние? Ликвидация нежелательных лиц?

- Это не самая интересная сторона нашей деятельности.

«Самое время перейти к мотивам обращения к министру безопасности и внутренних дел». Однако Болотин воздержался от напоминания.

- Разведка во все времена нуждалась в деньгах. В 1918 году деньги для начальника разведуправления не имели ни цвета, ни запаха. Деньги, выигранные агентом в австрийском или французском казино, для него были просто деньгами. Равно как и деньги, полученные от реализации украденной картины, ювелирного украшения. На Дальнем Востоке, в Германии и Австрии мои предшественники занимались в том числе и финансовым обеспечением службы. Кто-то из них вел светскую жизнь, обольщал богатых вдов, принимал в знак признания и любви украшения либо похищал их, играл в рулетку, был непобедим в покере – поскольку владел навыками шулера. Кто-то грабил банки и обчищал дома банкиров и аристократов. Агенты уходили от погони, избавлялись от свидетелей. Они отрывались от этой работы, чтобы выполнить другую, порой сообщая: устраняли политического деятеля в Европе, на Востоке. Им приходилось убивать своих коллег – агентов английской, немецкой, китайской разведок. Однажды начальник разведки, очередной начальник разведки, – сделал поправку Мартьянов, – заметил, что нереализованных ценностей, включая картины знаменитых мастеров и ювелирные украшения мастеров эпохи Возрождения, скопилось в избытке. Это значило...

- Простите, в каком году это было?

- Доподлинно неизвестно. В 1925 или 1930 году, но не раньше или позже.

- Продолжайте.

- Да, так вот, избыток ценностей означал, что деятельность агентов вышла на качественно новый уровень. Но начальник разведупра поступил мудро и не стал

ограничивать своих подчиненных. Тот благоприятный период позволил ему создать финансовый запас прочности, причем на многие годы вперед. Дело в том, что некоторые картины и ювелирные украшения уже в те годы ценились очень высоко. И стоимость их только росла. Тогда ему в голову пришла мысль о частичной независимости военной разведки от вооруженных сил в частности и государства в целом. Он мог сам финансировать спецоперацию, на которую по разным причинам официально денег получить не мог. В отдельных случаях он мог обойти любые бюрократические проволочки. Вам-то хорошо известно, сколько согласований, сколько подписей и даже просто кивков необходимо собрать, чтобы получить «добро» на спецоперацию.

Болотину была знакома эта проблема.

– А дальше, – озвучил он свои мысли, – чиновничий аппарат будет только разрастаться.

– Совершенно верно, – подхватил Мартьянов. – И даже если задачи военной разведки останутся на прежнем уровне, то затраты увеличатся. «Восточный фонд»...

– Как вы сказали?

– «Восточный фонд». Это название того самого запаса прочности, коллекция художественных ценностей. Так вот, «фонд» быстро опустеет, исчезнет. Как исчез с карт мира несокрушимый Советский Союз.

«Он пошел ко дну, как «Титаник», – сравнил Болотин, соглашаясь с собеседником. – Только что дымили его трубы, в машинном отделении вкалывали черные, как черти, машинисты, на палубах играла музыка, и холеные пассажиры кружились в танце... как вдруг удар, протяжный скрежет...»

Прошло не меньше минуты. Болотин первым нарушил молчание, вернувшись к началу разговора, к вопросу, который Мартьянов адресовал ему: «Вы что-нибудь слышали об агентурной группе «Восток»?»

– Почему «Восток»? Откуда взялось это название?

– От начальных букв ВОенно-СТатистического Отдела, в котором и была в 1918 году сосредоточена разведка и Контрразведка, – наглядно акцентировал Мартьянов.

– И название группы сохранилось до сегодняшнего дня?

Мартьянов подтвердил кивком головы: да.

– Агенты «Востока» не были сосредоточены в одном месте, – продолжил он. – Каждый находился в регионе своей ответственности. Приказы получали через разведчиков-нелегалов и «свободного» агента из первого отдела. Конечно, нелегалы тоже обладали навыками радиотелеграфистов, снайперов, подрывников, но могли применять их на деле лишь в крайних случаях. На то существовали агенты, смысл жизни которых и ремесло – риск.

– Назовите самый ценный предмет из «Восточного фонда».

– Они все бесценны.

– Тогда назовите самый дорогой.

– На мой взгляд... самый дорогой – это портрет Екатерины Арагонской, начало XVI века.

– Чья работа?

– Собина Николая Семеновича.

Болотин, изучавший историю в двух вузах, удивленно качнул головой:

– Собин нарисовал портрет дочери основателей испанской короны?

Мартьянов рассмеялся.

– Пардон. Я вас неправильно понял. Собин – агент нашей разведки. Он выкрал этот портрет из частной коллекции. Дело было в Австрии в 1924 году. Собин был

завсегдааем австрийских казино. Кутила, дамский угодник, бретер. Бросался в драку, норовя провалить возложенную на него миссию. Но его норов отводил от него все подозрения в шпионаже. Только умственно отсталый мог заподозрить в нем тайного агента. Меклер Артур Георгиевич, – Мартьянов назвал следующего агента. – Полная противоположность Собину. Он работал инженером на бумажной фабрике в Финляндии на постоянной, что называется, основе, окончил реальное училище. Кислицкий Антон Леонидович – еще один сорвиголова. Анархист и большевик, игрок и один из руководителей Народного банка...

– Сколько ему было в то время?

– Двадцать семь.

– И что в нем привлекло руководителя разведки?

– Не знаю. В то смутное время ему было виднее. Да и большого выбора у него, судя по всему, не было. Я заканчиваю про первых агентов «Востока», еще буквально два слова. Ни одного из них не осталось в живых. Однако в досье на них вы не найдете дату смерти. Вот разве что на «дальневосточника» Сергея Осина. Он в 1939 году «ушел в тайгу и не вернулся», как бы комично и неправдоподобно это ни прозвучало. Николай Гуреев похоронен на Новодевичьем кладбище. Николай Собин – кутила и любимец австриячек – был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Кислицкий – лишен наград Советского правительства.

– Работа у всех была одна, а судьбы разные, – покивал Болотин. – Так вы не ответили на вопрос: кто автор портрета Екатерины Арагонской?

– Есть несколько портретов этой инфанты, в том числе и неизвестного автора. Два портрета нарисовал Михель Зиттов. В 1503 году, незадолго до смерти Изабеллы Кастильской, ему позировала ее дочь, та самая Екатерина Арагонская. И этот портрет находится в венском Музее истории искусств. Также есть ее портрет кисти Ганса Гольбейна Младшего. Как и многие художники того времени, Зиттов не подписывал и не датировал свои работы, и атрибуция их представляет определенные проблемы. Имя этого художника забыли и не вспоминали на протяжении многих веков. И только в начале двадцатого века его имя стало, как пишут в специализированных журналах, «постепенно завоевывать принадлежащее по праву место в истории изобразительного

искусства».

«Восточный фонд», – еще раз повторил про себя Болотин. И нашел это название удачным. Оно содержало в себе и название агентурной группы, и ресурсы – как средства для определенной цели, и запас – золотой по сути, а в общем и целом – это организация, которая распоряжалась добытыми ею же средствами.

– Значит, в «Восточном фонде» портрет Екатерины работы Михеля Зиттова?

– Несомненно, – подтвердил Мартьянов. – Хотя первоначально считалось, что это работа придворного испанского художника Михаила Фламандца. Знаете, чем действительно привлекательна и ценна эта картина?

Болотин пожал плечами: не знаю.

– Дело в том, что в коллекции есть пара к портрету Екатерины Арагонской.

– Пара, вы сказали?

– Да, жемчужное ожерелье, в котором она позировала художнику. Представьте себе этот спаренный лот: поверх нарисованного ожерелья – живое, настоящее, словно воскресшее. Потому что мир искусства до сих пор убежден, что эти шедевры безвозвратно утеряны.

– Сколько предметов насчитывает «фонд»?

– Около пятидесяти.

– Так что вы хотите за информацию о нем?

– За информацию о нем вам, – сделал ударение Мартьянов. – Технически она уже ваша. Я же рассчитываю на часть коллекции. Времена круто изменились, и я хочу начать новую жизнь. Новую жизнь с чистого листа.

Мартьянов позволил себе тихонько насвистеть мотив песни немецкой рок-группы «Скорпионс» «Ветер перемен», которая была посвящена не только новым веяниям в политике, а изменениям вообще. Даже сама рок-группа обрела новый

звук...

ГЛАВА 2

Без купюр

«Так что вы хотите за информацию о коллекции?»

Вадим Мартьянов предвидел этот вопрос где-то в середине беседы с Болотиным, когда углубился в арт-тему, перемежая ее краткой биографией агентов «Востока». Тем не менее Болотин задал его фактически под конец беседы. Мартьянов подготовился к нему – письменно, дабы не упустить ни одной мелочи. Он не старался расставить вопросы в хронологическом порядке: для него все вопросы были важны и лежали в одной временной плоскости, и любая неучтенная деталь грозила обернуться полным провалом. Он изредка повторялся, что говорило о его желании остаться в этих вопросах непогрешимым. У него не было своего стиля, он ощутил себя неграмотным, и этот недочет вылез сегодня на первый план. И если бы он решил придумать название этой анкете, то лучшее – это «Без купюр».

«Цель – ликвидация агентов группы «Восток» как свидетелей существования «Восточного фонда».

Реально ли убрать всех в одно время?

Нет.

Даже если гипотетически предположить, что да, такое возможно, то как свалить главного свидетеля – Директора? Я знаю как, и время для этого выбрано удачно.

Смог бы я уйти за границу и воспользоваться частью фонда, хранящегося в тунисском музее?

Да. Но на поиски были бы брошены не только агенты «Востока», но все силы военной разведки.

Как сделать так, чтобы меня не искали (обо мне не забыли – не подходит)?

Ответ: убрать свидетелей чужими руками.

Заинтересовать организацию, которой по силам реально осуществить столь сложную акцию.

Министерство безопасности и внутренних дел – вот колосс на глиняных ногах, мощнейшая времянка, такой любая репрессивная задача по плечу.

Какая личность стоит во главе МБВД – неважно. Важно другое, что этот человек реально видит тот малый отрезок времени, отпущенный его вновь созданному ведомству. Неглубокий колодец, и нужно быть полным идиотом, чтобы из него не напиться. Это первое. Второе – набрать воды впрок.

Главой этого колосса президент назначил министра внутренних дел Болотина. Он сам по уши в секретах и соответственно относится к таким же, как он сам, хранителям тайн. Директор – «хранитель поневоле», и он – из конкурирующего (речь идет о конкуренции разведок) ведомства, которое по логике вещей МБВД должно было поглотить. Директор владеет тем, чего нет у его более могущественного конкурента. А такое положение вещей во все времена вызывало зависть. Что такое зависть? Это чувство досады, вызванное превосходством, успехом, благополучием, удачей другого. Это и желание обладать тем, что есть у другого. Зависть легко меняет цвет и размеры – становится черной и глубокой. Нужно посеять зерно желания, чтобы на свет появилась растущая потребность.

Рискнет ли Болотин свалить Директора? Средств и сил у него для этого достаточно. Что собой представляет нынешний начальник военной разведки? Нынешний Директор – фигура слабая, хотя стоит во главе управления четыре года. Скинуть такого – дело несложное, тем более время диктует смену руководителей в силовых и правоохранительных органах, равно как в разведке. Главный фактор – время.

Что собой представляю я, раз заварил такое серьезное мероприятие, кампанию, по сути? Я маленький винтик в часовом механизме... с претензиями на более важную роль – маятника, например. Но – в других часах. Аксиома: даже

ничтожная часть системы способна развалить саму систему изнутри»...

И дальше Вадим Мартьянов размышлял на бумаге «о богатой коллекции, собранной в основном в период с 1918 по 1938 годы». Она была сосредоточена в одном месте, и доступ к ней – в плане распоряжаться предметами из коллекции в интересах военной разведки – имел кроме Директора только первый номер «Востока» – Вадим Мартьянов. В частности, за последние несколько лет из вспомогательного фонда было изъято и продано через подставных лиц на аукционах в Лондоне и Дубаи тридцать восемь ювелирных изделий. И там и там торги были представлены аукционным домом Кристи, они стали регулярными, а общая сумма продаж исчислялась миллиардами долларов.

Вадиму Мартьянову, чтобы начать новую жизнь, в которой он видел себя важным, независимым человеком, за глаза хватило бы части тунисской коллекции. Властных полномочий Болотина хватит лишь на развал группы «Восток», а дальше Конституционный суд вынесет его ведомству суровый приговор, так что коллекции ему не видать как собственных ушей.

В этой довольно простой схеме Мартьянов не видел ошибок. Она была работоспособной. Что нашло подтверждение в его первой, ставшей довольно продолжительной беседе с министром. Зерно зависти, о котором размышлял Мартьянов, дало всходы. Он надеялся на скорую повторную встречу с Болотиным, но ждать ему пришлось больше недели...

3 января 1992 года, пятница

Первое, что сделал Болотин на посту главы МБВД, это укрепил свое кресло. Он пересмотрел планы относительно уже укомплектованного по работе в МВД оперативно-стратегического подразделения (О-СП), в которое входило двенадцать офицеров, способных решить любую задачу, используя все ресурсы управления, включая финансовые. Никаких ротаций – что толку? Это все равно что тасовать шашки на своей половине доски. Шестеро офицеров О-СП получили повышение, заняв престижные места в управлении. Указом Болотина начальник подразделения Щеглов сменил полковничьи погоны на генеральские и поднялся до должности главы информационного центра, стал на виду, представляя весь центральный аппарат, тогда как раньше находился в тени.

Ветер перемен уже не нашептывал, а свистел в ушах: «Ахтунг!» Пора было браться за реализацию плана «Мрак и туман», и чем быстрее, тем будет лучше.

Декабрь 1991 года. Кончина великой империи. Союз Советских Социалистических Республик четырех дней не дотянул до 69-й годовщины. С ума сойти! Но гигант рухнул, и под его обломками было необходимо похоронить совершенные ранее преступления и все то, что так или иначе могло бросить тень на правоохранительные органы. Историю нового государства, равно как и историю нового ведомства, нужно было начинать с чистого листа. И действительно: в тот день, когда генерал-майор Щеглов выступил в ранге главы по работе со СМИ, генерал армии Болотин на листке в перекидном календаре начертил: «Девственность». И вызвал к себе нового начальника О-СП полковника Егорова.

– Геннадий Савельевич, здравствуй, присаживайся.

Всех подчиненных, за редким исключением, он называл по имени-отчеству. У него было дел невпроворот. Все дела не переделаешь, но нельзя упускать ни минуты из дарованного ему Президентом Российской Федерации срока. Чем руководствовался президент, создавая такое сложное, с безграничными возможностями ведомство и наделяя одного человека неограниченными правами, – не знал никто, даже он сам. Для него не было секретом, что ГЛАВА государства часто прикладывался к бутылке, и Болотин подумал о том, что такой указ можно было подмахнуть с бодуна. Это понятно. Но кто-то ведь должен был подсунуть его под трясущуюся руку президента?..

Нельзя упускать ни минуты этого драгоценного времени...

До Болотина уже стали доноситься голоса недовольных – противников президента и его антисоветской кампании; говоря революционным языком, «вражеская гидра поднимала свою голову». Политические конкуренты подали в Конституционный суд иск с требованием разобраться, соответствует ли Конституции указ президента о слиянии двух силовых ведомств. Тут же пошли разговоры о дроблении как МВД, так и структуры госбезопасности. Болотин вдруг подумал о партийных и финансовых боссах, которые так или иначе обратятся к нему с практическим советом: как усилить влияние на главу государства, чтобы теперешняя система не рухнула. Это был такой необъемный вопрос, что у Болотина уже сейчас опустились руки. Он не мог охватить задач вновь созданного ведомства в целом. Он плохо разбирался в вопросах внешней

разведки, более или менее имел представление о контрразведке, и теперь ему придется решать эти вопросы, равно как и по охране границ.

«Трудно быть богом», – прошептал Болотин.

Он хотел было дать поручение полковнику Егорову, но тут в кабинет вошел новоиспеченный генерал-майор Щеглов. Он за руку поздоровался сначала с полковником, потом – с шефом. «Походя, – скривился Болотин, – как в заводской курилке».

– Выйди, Николай, – Щеглов боднул головой на дверь.

Полковник Егоров перевел взгляд на Болотина, вопрошая: «Кто тут хозяин?», и получил схожий ответ: «Делай, что говорят».

Едва двойные двери за ним закрылись, Щеглов приступил к делу. Он взял такой тон, что ему не хватало одного: присесть на краешек рабочего стола шефа и выпить воды из его графина.

– Новости из Конституционного суда. Дерьмовые новости. Судьи намерены проголосовать за отмену президентского указа. Нашу лавочку закроют. По моей информации, ключевое заседание суда пройдет не раньше 10-го и не позднее 14 января.

Болотин отчетливо представил себе шапку постановления:

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 года «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР».

А далее – «оглашался» состав в лице председателя и его зама, секретаря, судей, с участием представителя группы народных депутатов, направившей ходатайство в Конституционный суд...

– У нас есть рычаги влияния на судей? – уцепился за соломинку Болотин.

– Конечно, как же иначе? – пожал плечами генерал-майор. – Всего их – двенадцать. У каждого «апостола» есть близкие, родственники. Один из них собьет на личной машине школьницу, другой изнасилует беременную женщину, третий нападет на милиционера и так далее. Можно подкупить кого-то из них – но нет времени. Они попрячутся до вынесения приговора в своих судейских норах. Если устроить пожар в здании...

– Хватит! Довольно! Тебя понесло, ты начал молотить чушь! – Болотин заложил руки в карманы форменных брюк и нервно прошелся по кабинету. – Все к этому и шло... – сквозь зубы процедил он.

«Но потянул бы я эту непосильную тяжесть из четырех букв – МБВД?» – уже про себя и не без доли облегчения подумал Болотин. Кто знает, может быть, Конституционный суд сейчас играет на его стороне?.. Подумал он и о своих заместителях, первых и «простых», которые бы разгрузили его в два счета. Но довериться замам означало потерять над ними контроль. А его прельщала безграничная власть, практически лежащая у его ног.

– Ступай, – отпустил он генерал-майора. – Мне нужно время, чтобы все обдумать. И скажи Егорову, чтобы зашел.

«Куй железо, пока горячо».

Материальные ценности – вот что вылезло сейчас на передний край. И, конечно, реализация программ по утилизации совершенных уже преступлений. Равно как и тех, которые совершатся, начиная с этой минуты и заканчивая той, когда молоток председателя суда ударит в подставку: «Решение принято!»

Да еще это дело о группе «Восток» не давало ему покоя.

Он передал Егорову лист бумаги со словами:

– Это список агентов «Востока» и их контакты. – Он чуть было не сказал, что написаны они рукой Вадима Мартьянова. Отпечатаны им лично на пишущей машинке, в которой буквы «а» и «л» были нечеткими. – Операция «Мрак и туман» тебе о чем-нибудь говорит?

– Кейтель, – тотчас назвал автора полковник Егоров. – О лицах, представляющих угрозу для рейха.

– Верно, – покивал Болотин. – Запомни: операцию нужно провести так, чтобы ни один агент не ушел. Это значит, всех нужно убрать в один день и час. Есть вопросы, сомнения?

– Никак нет. Я все сделаю.

– Не позднее 14 января.

Егоров присвистнул. Болотин ухмыльнулся:

– Придется постараться.

В списке, который Егоров унес с собой, вторым значился Виктор Лугано.

4 января, суббота

Егоров и Мартьянов встретились сегодня в половине девятого утра. Полковник провел гостя в один из кабинетов в приемной МВД, такой огромный, что больше походил на конференц-зал. Угостил его кофе из термоса, разлив горячий напиток по стаканам. «Как в поезде», – заметил Мартьянов, придерживая пальцем стакан в подстаканнике, чтобы не выдать дрожь в руках. «Нервы ни черту. Что со мной такое?»

Он плохо спал этой ночью, ворочался с боку на бок на помятых простынях. Утром долго не мог принять решение: бриться или оставить щетину, которая только подчеркивала помятость его лица. Чего нельзя было сказать о полковнике Егорове: подтянут, опрятен... как будто шагнул в это разрушительное десятилетие прямо из кабинета Сталина.

– Мне было лет восемь, – поделился он с Мартьяновым воспоминаниями. – Мы с отцом ехали в автобусе, стояли – было много народу. Отец сверху вниз посмотрел на декольте роскошной блондинки и вслух заметил: «Смело». Аналогия не очень, я понимаю, но твое обращение лично к министру – то же самое декольте: смело. Почему не опустился рангом ниже?

Вадим Мартьянов тоже припомнил кое-что из недавнего прошлого и сказал то, что услышал от него накануне сам министр:

– Ты плохо слушал. Я напрямую подчиняюсь начальнику ГРУ, а он в звании генерала армии. Его замов я в глаза не видел. Я вообще не представляю, как иметь дело с замами.

– И часто тебя заносит? – усмехнулся полковник Егоров, подумав: «А ведь он прав». Он сам напрямую подчинялся министру. И если бы он обратился к начальнику военной разведки с просьбой принять его, тот принял бы безотлагательно.

– Почему шеф не принял меня лично? – В голосе Вадима Мартьянова прозвучало недовольство.

– Он занят сегодня. У него просто прорва дел. А твое дело, с одной стороны, частное, можно сказать, обуза, и бросать его жалко.

– Очень дорогая обуза, – сделал обязательное дополнение Мартьянов. – Шеф переложил дело со своей больной головы на твою здоровую.

– Поаккуратней с шефом. Он все-таки мой шеф, а не твой.

– Я сказал в том плане, что он действительно занятой человек. Он дал тебе задание закончить дело и в процессе работы обращаться к нему лишь в крайнем случае, так? А это значит, что уникальная коллекция художественных ценностей не выходила у него из головы. Не сегодня, так завтра он поймет, что это дело стало главным.

– А ты психолог.

– Достаточно иметь один глаз и половину мозга, чтобы заметить очевидное. Это сказал Хичкок. Он американский...

– Я знаю, кто он. Не относись ко мне как к деревенщине.

Да, наблюдательности ему не занимать, в такт своим мыслям покивал Егоров. Когда он доложил о том, что на приеме к министру – личный агент начальника ГРУ, то удивился сам себе – почему Болотин не перебил его: «Немедленно ко мне!» Наверное, потому, что слишком неожиданным для него оказалось это событие, застало его врасплох.

А Мартьянов сделал такой ход, после которого Болотин мог ответить только одним: немедленно принять предложение секретного агента, дабы тот не переметнулся к третьему лицу. И чтобы не запутаться в мыслях и не погрязнуть в сомнениях, ему нужно было незамедлительно действовать.

Вчера вечером Болотин обосновал свое решение, хотя мог этого и не делать: его слово – закон. Дело не только в материальной стороне, но еще и в политике, сказал он. Агенты группы «Восток» были прямыми исполнителями громких политических убийств. И этот факт мог выстрелить в самое неподходящее время. А нажать на этот воображаемый спусковой крючок мог тот же начальник военной разведки, не говоря о самих агентах. Болотин мог себе позволить усомниться «в честности и надежности» каждого из них: ведь «001» оказался предателем. И вот вчерашние слова генерала Егоров сегодня выдал за свои собственные:

– Ты выбрал удачное время для атаки на Директора. Ты в курсе его грядущей отставки?

Мартьянов пожал плечами:

– Для меня лично это секрет Полишинеля.

– Ты тоже считаешь его слабой фигурой?

– Я знаю, о чем говорю. Я работал с его предшественником, легендарной личностью: около десяти лет работы первым заместителем председателя КГБ,

почти четверть века на посту начальника военной разведки.

– Ну-ну, продолжай.

– О чем говорит слабая фигура начальника разведуправления? О слабом министре обороны и Верховном главнокомандующем.

– Смело.

– При чем тут «смело»? Это уже исторический факт. Эти двое могут потерять уникальное ведомство, считающееся одним из наилучших в своем классе.

– Значит, об отставке ты слышал, – Егоров вернул беседу в прежнее русло. – Но президент готовит еще и приказ о лишении Директора звания и наград советского правительства.

– Да, это хорошая новость, – снова кончиками губ улыбнулся Мартьянов.

Егоров снова попенял самому себе на дефицит времени. На подготовку операции по устранению прямых исполнителей громких политических убийств оставалось восемь дней. Их шестеро. Потом настанет очередь седьмого. И Егоров в упор посмотрел на Вадима Мартьянова.

ГЛАВА 3

Цена предательства

Владивосток, 13 января, понедельник

Одетый в теплую куртку-аляску, молодой человек лет двадцати семи за рулем «Тойоты» сейчас нервничал по пустякам: он нажимал на педаль газа, чтобы поднять холостые обороты двигателя, но все впустую: стрелка тахометра снова клонилась к нулю.

Он ждал человека по имени Олег Кангелари. У того накануне состоялся телефонный разговор с Вадимом Мартьяновым. Они договорились встретиться в отделении Сбербанка в 16.00, незадолго до его закрытия. Место встречи удобное прежде всего для Кангелари – сообщил детали Мартьянов; однажды они встречались именно там. Кангелари (третий номер в агентурной группе «Восток») жил буквально через дорогу.

Время на часах – 15.54. Второй сотрудник О-СП сообщил по радиации, что Кангелари вышел из дому и направился в сторону Сбербанка. «Осторожный, сукин сын! Идет к перекрестку, чтобы перейти дорогу на зеленый».

Эта пара из подразделения полковника Егорова прилетела самолетом во Владик два дня тому назад, морозным субботним вечером, и при поддержке местных оперативников провела ряд мероприятий. В частности, они определили место фиктивной встречи двух агентов «Востока», на карте проложили маршрут, на одном из участков которого особо обозначили перекресток. Была небольшая вероятность того, что Кангелари сократит путь и перейдет дорогу до светофора, поэтому «Тойоту» поставили за сто метров до перекрестка. Старший пары, взявший на себя функции водителя, поинтересовался у дальневосточного коллеги, какой отрезок времени нужен этой «Тойоте», чтобы проехать сотню метров. Станный вопрос, такой же ответ: «Это смотря с какой скоростью ты будешь ехать». На всякий случай он просветил москвича относительно разгона: до сотни машина разгоняется за семь секунд. Летом. Сейчас зима. Шипованная резина – для понта. Пробуксовало одно колесо, и машина встала. В ходу тут «японки» с чарующей формулой любви: четыре на четыре.

– Он подходит к перекрестку. Видишь меня?

– Да, – ответил водитель. Его напарник был одет в броский ярко-красный пуховик. И вел он агента ГРУ так, что находился от него по правую руку. Удобно, чуть нервно подметил старший пары, резко трогая машину с места. Кангелари остановился, поджидая зеленого света, и невольно посмотрел в сторону ревушей на бешеных оборотах «Тойоты»: столько придурков на дороге...

Номер второй сменил позицию, чтобы отработать по плану «красный», когда клиент остановился на запрещающий сигнал светофора: он стал позади Кангелари. И смотрел на «Тойоту», набирающую ход. В этот момент, когда до перекрестка ей проехать осталось двадцать метров, она набрала шестьдесят километров в час.

Двадцать метров, пятнадцать, десять...

Скорость машины увеличилась.

Пять.

Второй номер толкнул клиента в спину, и «Тойота» ударила Кангелари с такой силой, что шансов выжить у него не было. С искореженным бампером, разбитым ветровым и боковым стеклами, с погнутой передней стойкой, машина проехала квартал и остановилась. Водитель вышел из машины. Через пять минут он и его напарник встретились и сели в другую машину с местным оперативником за рулем. «В аэропорт», – отдал команду старший.

Москва

Солнце во Владивостоке клонилось к закату, в Москве – напротив: девять часов, и утро в самом разгаре. Андрей Немиров сидел на раскладном стульчике, отгородившись от остального мира полиэтиленовой пленкой рыбацкой палатки. Остальной мир в его представлении состоял из льдины, населенной исключительно рыбаками.

Он поймал несколько окунишек, из жалости отпустил ерша, в выпученных глазах которого вдруг увидел немую мольбу: «Отпусти меня...» Загадал пространное желание: «Пусть все будет хорошо, и пусть оно не будет последним».

Полковник Егоров издали заметил мешок-палатку Немирова: матовая, формы калмыцкой шапки. Невольно ускорил шаг: вдруг Немиров вылезет из палатки? И шепотом заметил: «Он здорово надышал в ней». По внутренней поверхности палатки стекали, набегая друг на друга, ручейки, этакая материализация дыхания человека. Потoki эти – капельки его души.

«Но к черту эти сопли», – грубо оборвал свои мысли ГЛАВА оперативно-следственной группы.

Он подошел к Немирову со спины. Был бы он в валенках, податливый снег, укрывший лед толстым слоем, выдал бы его скрипом. Моложавый полковник

Егоров выделялся среди рыбаков одеждой и экипировкой, тем не менее на него никто не обратил внимания. В легкой, но теплой спортивной куртке, в вязаной шапочке, на лыжах, он был своим среди чужих.

Егоров неслышно подошел к палатке, воткнул лыжные палки в снег и освободил из их петель руки. Присел, как если бы возился со шнурками...

Из чехла, закрепленного на голени подобием сбруи, убийца вынул шприц. Медленно и осторожно, как будто имел дело с гремучей змеей, снял со шприца защитный колпачок и, держа его обратным хватом, как нож, воткнул его в палатку; чтобы игла не соскочила со своего места от избыточного давления, на поршень он нажимал медленно. Пять кубиков – десять секунд. Десятки смертей вылились из шприца и упали на снег внутри палатки. Вот и все. Егоров убрал шприц в чехол, выпрямился, взял в руки лыжные палки и легко заскользил дальше.

– ...Эй, браток, ты там не замерз?

Те живые ручейки от дыхания человека застыли; издали палатка казалась ледяной скульптурой, накрытой полиэтиленом.

Припозднившийся рыбак приоткрыл окошко-клапан и заглянул внутрь. В ту же секунду отпрянул. Мертвец сидел с открытым ртом, забитым кровавой пеной, и с широко открытыми, закатившимися глазами.

Рыбак закашлялся от острого запаха уксуса. Но ему это только показалось: ризин, которым был убит агент военной разведки, не имел запаха.

Рига, Латвия

Одетый в черное высокий молодой человек поджидал свою жертву в подъезде жилого дома. Он отметил время: через десять-пятнадцать минут почти одновременно ахнут в разных частях России и ближнего зарубежья несколько человек, забьются в предсмертных судорогах. Красиво это или не очень? Он пожал плечами: черт его знает. И вдруг представил себя за школьной партой: он пишет сочинение на заданную тему, старается раскрыть вопрос – нужна ли эта

синхронность или разовое массовое убийство? Да. Но обилие методов указывало на излишнюю осторожность шефа. Конечно, если в одном доме выстрелом в затылок будут убиты шесть человек, это будет похоже на заказную расправу. Можно говорить и о массовом удушении, дело не в этом. Шеф перестраховывался, а значит, боялся, был не уверен в себе, заметал еще не оставленные им следы. Но к черту все эти размышления – клиент уже на подходе.

Убийца отделился от стены, шагнул за спину Леониду Аболтыню, вышедшему из лифта, и нажал на спусковой крючок пистолета. Аболтынь упал на бок, попытался встать, но убийца добил его выстрелом в голову. Бросив пистолет ему на грудь, он, засунув руки в карманы куртки, вышел из подъезда.

Москва

Виктор Лугано выглянул в окно своей квартиры на Патриарших в тот момент, когда в его «девятку» садился незнакомец в короткой черной куртке. Был ли он профессиональным угонщиком, справившимся с замком и сигнализацией за считанные секунды, или же новичком, провозившимся с машиной полночи, было неважно: Лугано устраивал любой вариант. Угонщик не сможет включить передачу: коробка была защищена кустарным приспособлением блокировки, против которых пасуют большинство профессионалов.

И все же Виктор поспешил, бросив под нос: «Береженого Бог бережет». Он взял со стола модную, от Армани, сумочку с ремешком и перекинул через плечо, расстегнув на ней молнию, вынул ключи от квартиры...

Валерий Жученко отвлекся лишь на минуту: только добежал до киоска – купить сигарет и вернулся обратно. И только устроившись за рулем оперативной машины, выругался: клиент уже сел в свою новенькую тачку. Впрочем, Жученко тут же расслабился – он ничего не потерял, самое интересное впереди. Валерий мысленно поторопил пожилую пару – слишком близко она находилась от напичканной тротилом «девятки».

Адскую машинку техник установил, сказав ключевое слово «готово», когда пошел восьмой час утра. Надо сказать, он долго проковырялся с машиной на морозе: открывал замок, снимал с сигнализации, которая, по его словам,

оказалась «хитрой». «Готово. Клиент поставит ключ на стартер – замкнутся красный и розовый провода, напряжение пойдет на взрыватель. Я тебе больше не нужен? Я замерз, как собака!»

...Угонщик воспользовался мастер-ключом. Поворот, и включилось зажигание. Он повернул ключ, и... Машину подбросило на метр-полтора, как будто заряд находился под днищем. Осколки стекла разлетелись во все стороны. Пожилая пара повалилась на снег. Живы, нет? Жученко махнул на них рукой. Главное, разметало в клочья агента группы «Восток».

Фотография покореженного, объятая пламенем автомобиля пригодилась бы разве что для личного фотоальбома. В этом деле по устранению агентов военной разведки все распоряжения и доклады носили устный характер – ни одной бумаги, ни одного письменного свидетельства о ликвидации. Как сказал шеф: «Чего не было на бумаге, того не было вообще».

Сердце Виктора Лугано бешено застучало. Внутри его щелкнул механизм, похожий на ударно-спусковой. Мгновение – и он сделал то, к чему готовил себя ежедневно на протяжении многих лет: открыл дверцу секретера, сдвинул в сторону часть задней фанерной стенки и достал из стенной ниши документы, деньги, стопку золотых монет, замаскированный под портсигар пистолет на четыре выстрела, жестяную коробку из-под печенья, в которой хранился грим... Поставил фанерку на место, закрыл секретер, оставив ключ в замке.

Этот ключ был символом его домашнего очага, уюта. Виктор из детской поры прихватил с собой четкий снимок: он привстает на цыпочки и дотягивается до ключа, торчащего из шифоньера, поворачивает его, и вот заветная дверца открыта. Это было левое отделение шифоньера, в котором в ящиках хранились носки, белье, нюхательный табак против моли, а на верхней полке – ваза с конфетами, жестяная коробка с печеньем (через много лет он купит такую же, с изображением на крышке Большого Москворецкого моста через Москву-реку). Для него эта полка была кладовкой сладостей. Позже, когда родители стали прятать от него ключ, он научился находить его. Чаще всего ключ от шифоньера оказывался в кармане халата матери. Он брал одно печенье и одну конфету, закрывал дверцу, а ключ клал обратно в карман, возвращался в свою комнату и плотно закрывал за собой дверь. Это-то и спасло его однажды от угарного газа. Родителей – нет...

...Секунды на размышления, и Виктор, впервые ощущая, как бьется нерв под глазом, вынул ключ из секретера и положил его в карман.

Он вышел на площадку не сразу – иначе его сбили бы соседи, рванувшие с верхних этажей на улицу: «Что там произошло?», «Взорвалась чья-то машина?», «Не будут ставить под окнами», «Прекратите, может, человек погиб»... Лугано выпал счастливый шанс спуститься последним, открыть дверь в подвал и, пройдя по нему и подсвечивая фонариком-брелоком, покинуть этот дом навсегда.

Первое, что он сделал, оказавшись в квартале от дома, – это набрал номер «экстренной связи» из телефона-автомата. Серия длинных гудков, и Лугано, не дождавшись ответа, положил трубку. Он не рискнул позвонить Вадиму Мартьянову, номеру первому в группе. Лугано не подчинялся ему, лишь получал от него необходимую помощь. Так было в Польше, когда 22-летний Виктор ликвидировал лидера польского общенационального движения «Единство»...

Третий по счету звонок он сделал в первые минуты старого Нового года. И снова не дождался ответа.

Апрелевка, Нарофоминский район,

Московская область

Директор вернулся в свою загородную резиденцию, как всегда, затемно. У него было какое-то время (два дня или две недели, неважно), чтобы собрать вещи и освободить дачу.

Он уединился в своем кабинете, попросив офицера охраны (сегодня дежурным был капитан Линьков) принести чаю. И добавил: «С лимоном». Хотя не был уверен, что в доме есть лимон. Кажется, с новогодних праздников в холодильнике остались мандарины, апельсины. И даже если лимона там нет, нужно послать за ним Линькова. Директор поймал себя на мысли, что начинает зацикливаться на пустячной вещи, но в деталях он был упрям. Особенно сегодня. И нашел аргумент в свою пользу: сегодняшняя ночь – она особая, праздничная, сегодня канун старого Нового года.

Он придвинул к себе часы с витыми наугольниками в нижней части, достал из ящика стола ключик и, вставив его в отверстие в циферблате и провернув вал ходовой пружины, завел их. Поставил на них точное время – по своим наручным часам: четверть двенадцатого. До праздника и призрачного салюта осталось сорок пять минут.

Тот, кого зачастую звали Директором, слушал ход старинных часов, которые он очень любил. Оттого и заводил их редко, чтобы сберечь механизм. А вид последнего был роскошен. Стоило только открыть гравированную заднюю стенку, и тогда взору открывался короткий золоченый маятник в сочетании со шпindelным спуском, а также точная дата изготовления часов, имя мастера: май 1690 года, Томас Томпион. Эти часы были частью коллекции «Восточный фонд», местонахождение которого знали только несколько человек, хранителей.

Капитан Линьков принес чай с лимоном и вышел, плотно притворив за собой дверь. Чай был горячий, и Директор дал ему время остыть. Время. Сейчас для него оно было дорого, как никогда. Он взял чистый лист бумаги и набросал пару слов, внизу поставил дату и свою подпись. Воспользовавшись секретной линией связи, сделал несколько звонков и отдал распоряжения. Шестеро его личных агентов были мертвы.... И эта личная, по сути, катастрофа подкосила Директора и указала на единственную причину, по которой он оказался в опале. «Восточный фонд». И в этом деле не обошлось без предательства. Предатель мог заинтересовать некую организацию и дать на товарищевой исчерпывающую информацию личного и служебного характера, которая и позволила устранить агентов разом, в одно время. Хотя они и находились в разных местах страны, а двое за рубежом, но погибли так, как будто стояли, связанные по рукам и ногам, перед заряженной картечью пушкой. Выстрел – и...

«Мартьянов! Вадим, сукин ты сын!»

Слабо верилось в то, что Мартьянова раскололи, узнав о фонде, к примеру, от тунисского агента. Нет, инициатива пошла от него.

Директор встал. Повесив китель на спинку кресла, прошелся, часто бросая на него взгляд. Ему показалось: форменная куртка сплошь покрыта грязными пятнами, обшлага и лацканы лоснятся.

Его тоже убрали, как и его личных агентов, но к нему применили изощренный метод, фактически растоптав его. Как офицер он не мог вынести такого позора...

Он остановился, снова занял место за столом. Подумал о том, что чем ближе срок, тем сильнее на него будут давить сомнения. Он сделал несколько глотков остывшего уже чая, отставил стакан в сторону и вынул из нижнего ящика стола наградной пистолет...

...Капитан Линьков находился в соседней комнате. Для него этот выстрел не стал неожиданностью. Начальник военной разведки личным указом Президента Российской Федерации был уволен с позорной формулировкой: в связи с несоответствием служебному положению. К министру обороны ГЛАВА государства обратился с предложением лишить генерала армии наград Советского правительства.

Москва – Апрелевка

– Товарищ министр!

– Да? – Болотин посмотрел на вошедшего поверх очков. Насколько он помнил, его на этом посту так официально не называли.

– Разрешите доложить?

– Ну давай же! Или ты ждешь, когда я запрыгаю от нетерпения?

– Случилось ЧП на даче начальника ГРУ, – начал полковник Егоров. – Директор покончил жизнь самоубийством.

Это было вполне ожидаемое событие. Тем не менее Болотин почувствовал тошноту и металлический привкус во рту, как будто ствол пистолета коснулся его неба. Он снял очки, сложил дужки и положил их на середину стола. Налил воды из графина, выпил в два приема. Неприятный привкус остался. Он выключил и включил лампу с зеленым плафоном, снова выключил и включил...

– Кто доложил о ЧП?

- В вашу приемную поступил звонок от министра обороны...

Болотин поморщился: в этот поздний час он запретил адъютанту беспокоить его, что бы ни случилось. Но вот вопрос: почему ГЛАВА военного ведомства не снял трубку правительственной «вертушки»?.. Александр Игнатьевич частенько оставался на ночь в министерстве. С задней комнатой в его кабинете не мог соперничать ни один кабинет в этом огромном здании.

- Министру обороны, по-видимому, доложил начальник охраны Директора.

- Неважно. Оперативная группа еще не создана?

- Никак нет.

- Передай генералу Щеглову, чтобы занялся этим вопросом. Вызывай Мартьянова и держи его поблизости. Он может понадобиться в любой момент.

Болотин отпустил Егорова и по селектору связался с приемной:

- Мою машину к подъезду.

Хотя расстояние от центра Москвы до Апрелевки составляло всего сорок семь километров, на место происшествия Болотин прибыл только через час с четвертью. Там, к его неудовольствию, уже находились начальник Генштаба и главный военный прокурор. Они обменялись рукопожатиями. И Болотин безапелляционно заявил:

- Прошу покинуть место происшествия.

- Но... - запротестовал было прокурор.

- Никаких «но», - поставил его на место министр. - О ходе следствия я буду информировать вас лично.

Он прошел в помещение, махнув рукой на продолжающиеся протесты прокурора. Включать или не включать в состав следственной группы военных

прокуроров – зависело только от министра безопасности и внутренних дел.

Болотин обошел рабочий стол Директора, мельком глянув на офицера охраны.

– Вы обнаружили труп? Представьтесь сначала.

– Капитан Линьков.

– Имя, отчество назовите.

– Юрий Сергеевич.

– Продолжайте.

– Так точно, тело обнаружил я. – Капитан ответил на немой вопрос министра: – Я тотчас связался с заместителем Директора, вице-адмиралом Сергеевым.

– Ничего здесь не трогали?

– Никак нет.

– Подождите за дверью, Юрий Сергеевич. Вы мне еще понадобятся.

В кабинете Директора было тепло. Дрова в камине прогорели, однако он не был основным источником тепла: за шторами угадывались радиаторы водяного отопления. Болотин через ткань приложил к батарее руку и отдернул ее. Нет, она не была горячей... но мягкой. Он отдернул штору и увидел домашние тапочки, сушившиеся на батарее. «Мило, – хмыкнул Болотин, – по-домашнему. Деревенщина».

Он более внимательно разглядел камин и по золе определил, что в очаге сгорели какие-то бумаги.

Левая рука Директора лежала на предсмертной записке. Конечно, был уверен министр, капитан Линьков пробежал ее глазами. Возможно, передал содержание вице-адмиралу Сергееву, получил от него указания.

Путь к «Восточному фонду» был короток, но далеко не прост. И только сейчас, стоя над трупом Директора, Болотин отбросил последние сомнения: фонд, о котором ему рассказывал Мартьянов и о котором он так часто думал, существовал на самом деле. Ему оставалось только дотянуться до него рукой, сделать один шаг.

Он открыл дверь кабинета. Генерал-майор Щеглов и полковник Егоров только что прибыли, и Болотин подозвал полковника.

- Мартьянов с тобой?

- Так точно. Сидит в моей машине.

- Приведи его.

Вадима Мартьянова министр встречал взглядом: «Полюбуйся на дело рук своих». Предатель не был жалок в его глазах. Даже предательство – это поступок. Мартьянов не был безволен, его не сломила смерть того, кому он служил на протяжении ряда лет. Он шел к цели, и его измена была оправданной. Более того, Болотин видел в нем делового партнера.

Генерал усмехнулся:

- Повтори при свидетеле: где хранится «Восточный фонд»?

Вадим Мартьянов ответил ему схожей усмешкой.

Болотин снова потревожил Егорова:

- Личный архив Директора перевезли в профильный отдел военной контрразведки. Где находится архив, об этом тебе скажет капитан Линьков.

Геннадий Егоров не удержался от вопроса:

- Что в предсмертной записке?

– Всего два слова: «Честь имею!»

Москва, 15 января, среда, два дня спустя

В пивной, месте, где можно было получить необходимую ему информацию, неузнаваемый в гриме (очки, усы, борода, парик), Виктор Лугано узнал, «что же на самом деле произошло в одной из квартир на Патриарших»: взрыв машины из-за неисправности топливной системы и электропроводки. Пока приехали пожарные, машина выгорела полностью, а труп водителя обуглился до «румяной корочки». Из уст нескольких завсегдаев бара эта версия прозвучала настолько убедительно, что Виктор был готов поверить в неисправности, которые и привели к взрыву. Только в баке его машины в то утро плескалось от силы четыре литра бензина – лампочка на панели приборов даже не мигала, а горела постоянно. И самое главное. С зимней рыбалки не вернулся самый возрастной агент: Андрей Немиров «задохнулся продуктами дыхания» в зимней полиэтиленовой палатке. Олег Кангелари был сбит праворульной «Тойотой». Также в своем подъезде выстрелом в голову был убит пятый номер в группе, Леонид Аболтынь. На судьбу Александра Болотникова (номер 7) пролила свет заметка в «Известиях»: «Наш спецкор в Италии сообщает: вчера в полдень в апартаментах Виктора Вельфа был найден мертвым научный сотрудник РАН [1 - Российская академия наук; до декабря 1991 года – Академия наук СССР.] Александр Болотников. Следов насилия на теле не обнаружено. Ведется следствие».

Кто-то убирал агентов «Востока»...

А что же его шеф?

Как ни странно, ответ на этот вопрос Виктор Лугано нашел в газете «Красная звезда». В одной заметке говорилось о снятии с должности замначальника Генштаба и начальника ГРУ, другая представляла собой некролог.

С той минуты Виктор Лугано остался без хозяина, без поддержки. В первую очередь ему предстояло решить важный вопрос: под каким именем жить дальше. У него остался комплект (внутренний и заграничный паспорта, водительское удостоверение, трудовая книжка) на имя Лугано. Второй комплект

– на имя Булова Григория Петровича, с открытой (проштемпелеванной) страницей в трудовой книжке. У него не было оснований усомниться в подлинности этих документов, но вдруг в том же паспорте на имя Булова вкралась ошибка?.. Он оставил себе прежнее имя и соответственно старые документы. Для тех, кто пытался убрать его, он был мертв. Никто не станет отслеживать через структуры МВД, ГУВД, ОВД человека по имени Виктор Лугано.

ГЛАВА 4

Проникновение

Тунис, 17 января, пятница

– Сколько раз ты был в Тунисе?

Вадим Мартьянов пожал плечами. Он не помнил точную цифру. Она приближалась или уже превысила сорок.

Одна из самых напряженных поездок стала и самой памятной: пять лет назад Хабиба Бургибу, который находился на посту президента Туниса тридцать лет, отстранил от власти премьер-министр его кабинета. В то время у Мартьянова возникли серьезные проблемы с выездом из страны.

Тунис не был чисто восточной страной. Господство Рима, длившееся пять веков, оставило множественные памятники античной архитектуры, разрушив следы деятельности пунийцев, нумидийцев. Непаханое поле деятельности для археологов, рассуждал Вадим. В отличие от России, в Тунисе высокий рост экономического развития пришелся на провинции и, как следствие, сказался на характере градостроительства. Состоятельные тунисцы предпочли город – как культурный и политический центр, забывая о роскошных загородных виллах.

Но каков был стиль тунисских городов, античный или мусульманский? Для себя Мартьянов сделал однозначный вывод: это стиль, приспособленный к местному климату и специфике местных строительных материалов. Большинство домов снаружи неприветливы, лишены украшений, в них окна и двери жилых

помещений выходят во двор, и почти в каждом дворе – фонтан, несущий утреннюю свежесть, влажный мозаичный пол. Такими же мрачными, как наружные облики домов, выглядели саркофаги и могильные стелы. Мартьянов узнал, что жестокая религия тунисцев требовала приносить в жертву богам первенцев. На тофете[2 - Тофет – место на юге Иерусалима, где некогда стоял идол Молоха, которому приносили в жертву детей, сжигая их на огне.] одного только Карфагена было сожжено пятьдесят тысяч детей; и такие пунийские культы отправлялись еще и во времена римлян.

Вадим Мартьянов не мог сказать, черствела ли его душа в этом жестоком краю с его унылыми пустынными пейзажами, но свой мрачный отпечаток на него она наложила – это точно. Его любовь к Тунису была мрачной, как если бы он был влюблен в кладбище – но с одним условием: с его роскошными фонтанами и прохладой, недоступными взору простых смертных.

Вадим подвел сопровождавших его Егорова и Жученко ко дворцу XVIII века.

– Это и есть хранилище «Восточного фонда»? – поинтересовался полковник, одетый в серые брюки, модный твидовый пиджак и «поддевку»-джемпер с треугольным вырезом.

– Перед вами Музей национальных традиций, – просветил его Вадим.

– Ну конечно, – театрально, чтобы и с галерки можно было увидеть, – округлил глаза Егоров. – Ты же у нас эстет. И мне, как и тебе, тоже позарез хочется взглянуть на хранилище. Говоришь, «Восточный фонд» был переведен в Тунис в 1957 году?

– Да. Когда президентом страны стал Хабиб Бургиба. Он был юристом, не раз подвергался арестам за агитацию против французских колониальных властей. Был освобожден гитлеровцами, принят самим Муссолини. После чего вывернулся: «Я уверен в поражении Германии и Италии», – Вадим хохотнул. – Дальше призвал к борьбе против них. Не знаю, был ли он мудрым, но скользким, как налим, – это точно: его выбор не в пользу социализма не стал причиной разрыва отношений с Советским Союзом.

– Советская военная разведка оказала на него влияние?

– Да, в своем ключе. Есть такое выражение – «Подспудные силы», то есть не проявляющиеся открыто. Пик деятельности нашей военной разведки в Тунисе пришелся на 1942–1943 годы, когда здесь шли ожесточенные бои между итало-немецкой армией и войсками антигитлеровской коалиции. Нашими агентами стали в том числе и деятели культуры. Например, сотрудница городского музея, ставшая впоследствии его директором.

– Это с ней у тебя запланирована встреча?

– Точно. Ее зовут Наима Летаеф. Она наполовину арабка, наполовину француженка. Уже в годах – ей шестьдесят два. Последние пять является старшим хранителем. Свой директорский кабинет уступила старшему сыну. Младший умер несколько лет назад.

– Передай ей наши соболезнования, – ухмыльнулся Егоров.

Мартьянов бросил взгляд на часы и на правах старшего распорядился:

– Ждите меня здесь.

– Подождать тебя, пока ты не выйдешь, – не меняя выражения лица и тона, добавил полковник.

– Из музея только один выход. А я не бабочка, через стены не перепорхну. При посторонних хранитель не откроет дверь хранилища. Об этом я вам все уши прожужжал в самолете.

Они не проходили через рамку металлодетектора в «Шереметьеве». Полковник Егоров и капитан Жученко, явно козыряя своим положением при министре, вместе с Мартьяновым вышли на летное поле через служебный вход. В остальном вели себя как обычные пассажиры.

Егоров молчал не меньше минуты. Жученко и того больше; фактически он не принимал участия в разговоре. Он плохо перенес полет, и его до сих пор подташнивало.

– Выкинешь какой-нибудь фортель, мы тебя из-под земли достанем, – пригрозил Егоров. – Лично я нарежу из тебя ремней и сделаю из них сбрую для своего пони.

– У тебя есть пони?

– Для такого случая куплю.

Полковник тяжелым взглядом проводил Мартьянова, одетого в стиле 60-х (тройка, шляпа, светлые туфли, в правой руке саквояж) и по погоде (в столице этого африканского государства столбик термометра сегодня днем достиг семнадцатиградусной отметки). Буквально через секунду узнал, что такое острый приступ одиночества. Полковник почувствовал себя брошенным в этой мусульманской стране, где основным языком был арабский, но многие арабы говорили по-французски. (На его взгляд, это была какая-то издевка, равно как и тот факт, что в некоторых тунисских городах сохранились еврейские общины, – с ума сойти!) Здесь пять раз в день, обратившись лицом к Мекке, правоверные мусульмане возносили саят, в течение священного для них месяца соблюдали пост, выплачивали государству религиозный налог, подавали милостыню нищим. Если сжать жизнь отдельно взятого тунисца-мусульманина до одного дня, то его еще можно будет понять: проснулся, умылся, накормил детей, сам поел, поработал до заката, поел, поцеловал детей на ночь, уснул. Егоров думал о режиме как таковом. Лично ему, который в Бога не верил, но в отдельных случаях ждал от него чуда, истинно верующего человека понять было невозможно.

Вадим Мартьянов, купив билет, вошел во внутренний двор дворца через проход, огибающий угол этого здания. Вход во дворец остался с прежних времен, чтобы случайный прохожий не мог подсмотреть, что происходит в гареме, самой закрытой части дома. Вадим прошел через зал приемов, где при помощи манекенов изображалась «типичная сцена из дворцовой жизни», и сделал остановку возле экспозиции. Присел и поставил пустой саквояж так, чтобы немногочисленная публика не увидела его манипуляций. Делая вид, что завязывает шнурок на ботинке, Вадим подтянул кверху штанину и вынул из кобуры, крепящейся на ремешках к нижней трети голени, пистолет «С4», разработанный в середине 60-х годов. Взведя курок и поставив его на предохранитель, Вадим переложил пистолет в боковой карман пиджака. Встал, поправил брюки и покинул экспозицию.

На выходе он встретил тучную пожилую женщину. Однако поздоровались они за руку, по-мужски.

- Здравствуй, Наима!

- Здравствуй, Вадим! Извини, что не смогла встретить тебя: свалилось срочное дело, - посетовала хранительница музея, страдающая одышкой. - Пойдем со мной, выпьешь чаю. Ты можешь отказаться, но я-то точно выпью. Вчера встала на весы: восемьдесят два! Как тебе это нравится?

- Хорошего человека и должно быть много.

- Да, ты знаешь, как успокоить бедную женщину... Как добрался?

- Как всегда, дорога утомила. Самолетная болтанка, автобусная качка, походка вразвалку, ты же понимаешь, Наима.

- Кстати, не называй меня больше Наимой.

- Это еще почему?

Полная женщина приосанилась:

- Знаешь, после того как Наоми Кэмпбелл снялась в нескольких сериалах и в нашей стране ее увидели по телевизору, близкие стали называть меня Наоми. Это вариант Наимы, если ты не знал.

- Но ты не чернокожая!

- А ты видел меня в душе?

- Еще нет. Но я рад, что оказался в кругу твоих близких, Наоми.

Перебрасываясь шутками, они прошли на террасу, выходящую на глухую глиняную стену. Они были одни (хотя пыльный манекен в темном углу, казалось, тоже был живым: красная атласная одежда на нем колыхалась от легкого

ветерка) и пили удивительно ароматный, приготовленный по рецепту хранительницы чай. Этот божественный напиток утолял жажду и придавал сил.

– Тебе понадобятся документы для прикрытия?

Вадим чертыхнулся: поглощенный думами о богатой коллекции, он чуть не забыл о них. Хорошо, что рядом есть такой человек, как Наима.

Она поняла его без слов, чуть насмехаясь над его мимикой, его виноватым взглядом, и сказала:

– Я сейчас принесу паспорт.

Насколько помнила Наима, это была ее пятнадцатая... нет, шестнадцатая встреча с Вадимом Мартьяновым. Последний раз он приезжал в октябре прошлого года, забрал из хранилища украшения с алмазами в виде перьев первой половины XVII века. Отличные были перья, не без вздоха вспоминала Наима; не подпадающие под определение «навсегда утраченных ценностей», они ушли с молотка на аукционе в Дубаи. Интересно, не без сожаления прикинула хранительница, какие изделия на этот раз заберет с собой агент ГРУ? В этой частной коллекции ей больше всего нравилась древнеегипетская пектораль в виде священной богини-птицы: золото с бирюзой, лазуритом и сердоликом. Пектораль из самой гробницы Тутанхамона.

В хранительнице музея жила вера в магические свойства украшения, что оно способно защитить своего обладателя. Лично Наима носила на груди цепочку из каменных бусин.

Она вернулась и протянула Вадиму тунисский паспорт на имя Ришара Неру. Он положил его во внутренний карман пиджака и неосторожно обронил:

– Я закрываю счет...

Мысленно рисуя себе драгоценные украшения, изделия из серебра и золота, Мартьянов в этот момент был далек от реальности и утратил контроль над собой.

Наима напряглась. Закрывать счет на любом языке мира означало снять все деньги, не оставив ничего.

«Закрывать счет» Вадима Мартьянова означало, что он намерен забрать все предметы коллекции, не оставив ни одного предмета, которыми раньше любовалась Наима.

У бывшего директора музея накопился ряд вопросов, ответов на которые она не рассчитывала услышать от Вадима лично.

Что случилось с вашей страной? Почему рухнула великая империя? И в свете того постулата, на котором строился план Мартьянова (даже ничтожная часть системы может развалить саму систему), ничего сверхъестественного в развале Советского Союза не было («Уж лучше бы они, как и мы, приняли либеральную модель государственного устройства», – как-то раз подумала Наима, считавшая себя, однако, убежденной коммунисткой).

Рухнула одна система, но на ней, как на идеологии, к примеру, нового государства не построишь. Нужна другая модель – нулевой уровень, ground zero, модель вселенной, по сути, которая родилась из ничего; это в том случае, если отбросить истину: вначале было слово.

Вчера вечером Наима по своим каналам получила информацию: начальник ГРУ был отстранен от должности; другой источник утверждал, что Директор был найден мертвым в своем кабинете. Наиму мороз пробрал. Ведь у нее накануне этого трагического события состоялся телефонный разговор с Директором...

И только сейчас, глядя на Вадима по-новому, в свете свежей информации, Наима подумала: «Крысы побежали с тонущих кораблей». Она отчетливо представила огромный красавец-лайнер «СССР» и непотопляемый, казалось бы, флагман под названием «Аквариум».

Но все эти умственные выкладки, побудившие ее к действию, были ничем по сравнению с устной и конкретной директивой: никто, кроме человека, назвавшегося хранителем Директором, не мог забрать все ценности сразу. И Наима напрасно терпеливо дожидалась от Вадима одного-единственного слова. Наконец она спросила:

– Ты от Директора?

– К чему этот вопрос? Ты же знаешь ответ: да.

«К счастью или несчастью, да».

И снова она мысленно повторила: «Крысы побежали с тонущих кораблей».

– Пойдем со мной, Вадим.

«В закрома», – улыбнулся гость своей фирменной, скупой улыбкой.

В мыслях своих Вадим часто стремился сюда. Его мысли были похожи на светлячков и вели его, освещая путь, по этому узкому коридору, по крутой и каменной, и тоже узкой, лестнице, заглядывали в каждую замочную скважину. Ни одного современного замка, ни одного! – каждый раз удивлялся Мартьянов. Ни один провод от сигнализации не обезобразил сводчатые потолки, остались только старые, витые на изоляторах.

Эта комната, через порог которой перешагнули Наима и Вадим, называлась «русским запасником», и она, конечно, оправдывала только вторую часть названия. Вадим не раз и не два мысленно складывал в саквояж самые ценные экспонаты и каждый оборачивал бумагой; и кожаная дорожная сумка всегда закрывалась, о чем свидетельствовал щелчок замка, а потом – и поворот маленького ключика. Все – сумка полна. Но очень тяжела.

Картины. Всего их в запаснике было шесть, он выбрал три. Все они были подвержены естественному старению. В первую очередь почти полностью потеряли грунт, и эта проблема для Мартьянова превратилась в благоприятное стечение обстоятельств. Он разложил на краю стола нехитрый инструмент: нож с множеством лезвий, губку, пузырек с водой, маленькие кусачки, пинцет, кальку... Работу начал с «Екатерины Арагонской». Освободив раму из подрамника, он внимательно осмотрел картину с обратной стороны. Так и есть, ничего не изменилось (да и не могло измениться) за девять лет, когда он впервые досконально изучал картины в хранилище; уже в ту пору в его голове начала вызревать система похищения предметов коллекции.

Да, ничего не изменилось: холст потерял связь с грунтом настолько, что легко поддастся удалению. Вадим при помощи ножа приподнял из-под низу медную шляпку первого гвоздя, и она отлетела – как канцелярская кнопка. Только пара гвоздей сидела в подрамнике так крепко, что Вадиму пришлось с ними повозиться. Он начал отделять бесценный холст с верхнего угла, затем освободил нижний. Верхний слой грунтовки осыпался, и Вадим, не опасаясь повредить краску, свернул полотно в рулон. Внутри него бушевал ураган чувств, но лицо не выражало ничего; он походил на обойщика с куском обивочной ткани.

К первой раме вскоре присоединилась вторая – из-под «Вазы с опавшими цветами» Поля Сезанна. Короткий осмотр, и Вадим вынес приговор и этой картине: частично потерянная связь грунта с холстом и незначительное его провисание (на этом подрамнике не было клинышков для подтягивания холста), загрязнение лаковой пленки, исхудавшие и порванные крепежными гвоздями кромки. Затруднения начались с углов, и Вадиму пришлось намочить эти проблемные участки влажной губкой. Вода размягчила клейкий грунт, и холст легко отделился. Вадим справился с этой картиной всего за десять минут.

Следующая – «Пьяная женщина» Эдуарда Мане. Она порадовала Мартьянова, как и «Екатерина» Зиттова, осыпавшейся грунтовкой. Так что он свернул полотно все так же без опаски повредить красочный слой. А его потери оказались мелкими: легкие, почти не заметные глазу потертости в нижней части.

А теперь пора не в мыслях, а в реальности уложить в саквояж бесценные сокровища. Последней в нем заняла место древнеегипетская пектораль, оценить которую не смог бы даже лучший в мире оценщик. Эта вещь снова надолго займет место в частном музее. Шейх Абдалла уже дал согласие приобрести богиню-птицу «на любых условиях и за любые деньги». Тот же шейх наверняка прикупит к пекторали еще что-нибудь для своих жен. Он мог бы приобрести всю коллекцию. Но продавать все в одни руки было так же опасно, как забирать все из хранилища.

Эта острая мысль полоснула Вадима только сейчас, когда он буквально познал истину в сравнении. Он нахмурился, надевая резинку на рулон с картинами, и привел пронзившую его мысль в божеский вид: закрывать счет – смертельно опасно. И зачем он сказал эти слова?

Наима спросила его: «Ты от Директора?» – и этот вопрос вызвал в груди Вадима легкое беспокойство, это не считая недоумения: от кого же еще он мог прийти? А если бы беспокойство было сильным, непреодолимым, если бы опасность дышала на него, что тогда? Отказался бы он от намеченного плана? Нет, так вопрос не стоял. По-другому: отказался бы он от перспективы стать богатым и важным, стать по-настоящему независимым? Он сравнил себя с цепным псом, для которого окружающий мир был равен длине его цепи, – для Вадима было жизненно важно разорвать эту цепь и пойти туда, куда манили его внешние чувства. Каждый стремится попасть в рай. Никто не хочет попасть в ад. Нет, немного по-другому: никто не упустит шанс вырваться из ада.

Ему стоило призадуматься, когда Наима дала ему подсказку: «Ты от Директора?»

«Может, я чего-то не знаю? Что, на такой крайний, как этот, случай существует отдельное указание, известное только Директору и хранителю? Если да, то это надежный, но очень плавкий предохранитель».

Наима ждала от него устного допуска распоряжаться не частью фонда, а всем его содержимым. Отсюда ее чуть обескураженный вид. Наима – плохой разведчик, она выдала себя, дала прочесть шифровку, показав коды.

Вадим выпрямился, положив в пакет рулон с тремя картинками, переложенными калькой. Взяв в руки золотое распятие с зернью, он в упор посмотрел на хранительницу:

– Да, извини, что не сказал тебе этого сразу: я от Директора.

– Хорошо, пусть будет так, – ответила Наима, закрывая тяжелую дверь в хранилище. – Пусть будет так, – повторила она, вынимая из складок длинного платья немецкий пистолет. – Но ты не Директор.

Перед Наимой, преданной начальнику разведуправления, встала задача: спасти коллекцию; в экстренном случае – спасти самое ценное, как при пожаре, как требовала того директива начальника военной разведки. Наима, глядя на этого червя, представляла себе почти идеалистическую картину: она одну за другой вынимает уникальные вещицы и раскладывает их на столе. Вот пектораль, за которую многие коллекционеры отдали бы все свое состояние, вот «Грааль»...

Она выполнила распоряжение Директора, свято веря в то, что к ней вскоре обратится тот человек, который и скажет правильные, нужные слова: «Я – Директор». Это было просто, придумано словно впопыхах, но так было.

– Ты не Директор, Вадим, – повторила Наима. – Ты червяк.

– А-а... – протянул Мартьянов. Он верил в себя и не до конца верил этой вооруженной толстухе: вряд ли она спустит курок. Хотя... если он полезет в карман за своим пистолетом, она наверняка выстрелит в него.

Вадим по-прежнему сжимал в руке золоченое распятие школы Кастеллани. Он перевернул его, и голова Иисуса оказалась внизу. Это было не просто распятие, а кинжал со стальным лезвием в виде распятия.

С шагом вперед Вадим нанес Наиме колющий удар в грудь. Лезвие по самую перекладину вошло между ребрами женщины. Вадим попытался повернуть холодное оружие, но не смог, как если бы вонзил его в камень. Крепко удерживая кинжал за рукоятку, Вадим ногой толкнул Наиму, и только тогда лезвие высвободилось из ее тела. Наима упала на каменный пол спиной. Убийца склонился над ней, брызжа слюной:

– Вот что я уважаю в настоящей женщине, так это преданность.

– Нет! – Она заслонила от него рукой.

– Да!

Он замахнулся для повторного удара. И в этот раз лезвие вошло в сердце. Тело Наимы натянулось, как струна, и через некоторое мгновение расслабилось. Она умерла.

Вадим изначально планировал убийство Наимы: тихо, мирно, выстрелом в затылок. Он мог запереть ее в запаснике и забрать ключ, и ее нашли бы не скоро. Но она сама дала Вадиму подсказку: как убить и что сделать с телом. Пройдет час, а может быть, и два, и рев полицейских машин оборвет надежду Егорова и Жученко еще раз посмотреть в глаза последнему агенту «Востока».

Вадим забрал у Наимы связку ключей. Взял ее за руки и вытащил из хранилища. Прислушался: в подземелье было тихо, как в могиле. То, что нужно. Он поднял глаза и не увидел верхней ступеньки: лестница была настолько крута, что первые ее ступени скрывались за сводом. Не без труда он затащил Наиму на верхнюю площадку и сразу же столкнул обратно. Тело покатило вниз, оставляя на ступеньках следы крови. Вадим остался доволен результатом. Складывалось общее впечатление, что хранительницу музея убили на верхней площадке и тело ее скатилось вниз по ступенькам. Отсюда его даже не видно. Вадим присел. Вон оно. Видны ноги, бедра, розовые трусы. Он коротко хохотнул.

Мартьянов вернулся в хранилище, перешагнув через тело. Забрав багаж, он во второй раз покинул это помещение. Ключ от этой двери торчал в замке. «Неосторожно, – бросил Мартьянов под нос. – Нас могли замуровать в этом склепе». Кто? Может быть, призраки убитых христиан? Он был готов поверить и в призраков.

Карман его пиджака оттягивал пистолет. Ему он больше не понадобится. Со словами «Прощай, оружие!» Вадим бросил его на пол хранилища.

Закрыв дверь, ключ он положил в карман. Там еще что-то звякнуло. Что? Ах да, это же связка ключей от дверей музея.

Все? Нет, не все. Вадим нажал на боковую часть брелока-фонарика. Тонкий луч скользнул по стене, высветил тенета. Аккуратно взяв их с двух сторон, он, спугнув громадного паука, снял клейкую паутину. Примерившись, ловко прикрепил ее одной стороной к кованой обкладке двери, а другой к стене, где по идее должен быть наличник. Присмотрелся, покачал головой: одной паутины мало. Нашел другую и тоже перенес ее на дверь. Вот теперь порядок. Но он перепроверился: бросил взгляд на тело, перевел его на дверь. Под тусклым светом лампы в глаза сразу бросилась колышущаяся от дыхания паутина. Ползгляда достаточно, чтобы понять: эту дверь очень долго не открывали. И если даже прозвучит вопрос следователя «Что там?» – он будет носить дежурный характер. Это все равно, что спросить, что в мусорном баке, возле которого нашли тело бездомного.

Вадим не питал иллюзий насчет большей части фонда, оставшейся за этой массивной дверью, жалел лишь о мыслях вслух: «Я закрываю счет». Но вдруг? Вдруг он снова получит доступ в это хранилище? Это было бы невероятным везением.

Аппетит приходит во время еды?

И снова под сводами этого подземелья прозвучал смех.

И снова он отмечает допотопную, на изоляторах проводку и удивляется: новая давно бы превратилась в труху. Вадим любил старину.

Он прошел через зал приемов, дурашливо помахав манекенам в красном, и вышел к гарему. Дальше путь его лежал через запасной выход. Тяжелая дубовая дверь, обитая стальными пластинами, была закрыта на замок. Вадим вставил в замочную скважину первый ключ из связки и повернул: не подходит. Очередь другого. Не суетись, не оглядывайся – две короткие установки. Третий ключ. Щелчок, и на сердце Мартьянова отлегло.

Он убрал ключи в карман, поправил шляпу и темные очки, подхватил багаж и, перешагнув через порог, оказался на музейных задворках. Это место походило на тупик, но на самом деле это была улица, тихая, как кладбищенская аллея. В конце июня 1983 года Вадим Мартьянов и Виктор Лугано провели в столице Туниса, этом Париже Северной Африки, две беззаботные недели. Лугано, что называется, расслаблялся после напряженной работы в Варшаве. На его голову опустилась величественная длань Директора:

– Хорошо поработал, сынок. Восток называют еще и Искусным врачом, только он может залечить раны.

– Но я не ранен, шеф!

Молодому и перспективному, удачливому, черт побери, Лугано пан Директор спустил эту вольность. И добавил еще мягче:

– Я говорю о душевных ранах.

И очередная дерзость двадцатидвухлетнего агента:

– А-а-а...

Что же, сегодня он был именинником, и по меньшей мере семь человек мысленно дунули на его праздничный, со свечкой, торт.

Они провели здесь ревизию. Нет, Директор не потерял доверия к Наиме, но сам своего решения, конечно же, не объяснил. Может быть, ревизия «Восточного фонда» была предлогом к принудительному отпуску Виктора Лугано? Везучий сукин сын!

Для января этот вечер действительно был теплым. Вадим сел в автобус, следующий маршрутом до железнодорожного вокзала. Там он купил билет до Меденина – это город на юге страны. Оттуда ему предстояло небольшое путешествие на машине или автобусе – чуть дальше на восток, к Земле обетованной. «Там селились чужеземцы». А пока что поезд мчался на юг. Когда проводник проверил его паспорт и поблагодарил: «Мерси, месье Неру!» – «универсальный» агент на чистейшем французском ответил:

– Дё рьян (не за что).

С таким же безупречным прононсом он десятью минутами ранее позвонил из телефона-автомата в полицию:

– В Музее национальных традиций убита женщина, старший хранитель. Поторопитесь.

Геннадий Егоров и Валерий Жученко прождали агента больше часа. «Какого черта он там делает?», они узнали, когда к музею, подвывая сиренами, подъехали полицейские машины.

– Валим отсюда, – предложил Жученко. – Нас кинули.

Егоров не согласился с товарищем по недоразумению:

– Кинули министра с его министерством.

И уже с этой минуты он начал репетировать роль гонца, принесшего плохую весть.

ГЛАВА 5

Восемнадцать лет спустя...

Москва, 7 июня 2010 года, четверг

Дымчатые стекла очков Виктора Лугано блеснули на солнце в ответном кивке...

Он был одет согласно знойному дню: брюки, тенниска, кроссовки; кожаная сумочка на длинном ремешке перекинута через плечо. На территорию автостоянки, где у него стояла машина, Виктор вошел в начале двенадцатого и замедлил шаг, увидев странную картину: скрестив на груди руки, к дверце его авто привалился незнакомец лет двадцати с небольшим.

Время от времени Виктор Лугано на месте угонщика представлял себя. Вот он включает зажигание, переводит ключ на «старт», и машина превращается в компрессионную барокамеру: ударная волна, движущаяся со скоростью звука, сдавливает его, а затем отступает, и вокруг жертвы создается пониженное давление – в него-то и устремляются все частички его тела, и его буквально разрывает изнутри...

Вот и сейчас воспоминания о том дне, когда безымянный угонщик спас ему жизнь, тяжелой волной нахлынули на Лугано.

Он кивком головы ответил на немое приветствие незнакомца.

– Меня зовут Станислав Крайц, – представился тот. – А вы Виктор Лугано?

– Он самый.

Агент отметил еще одну странность, которая поначалу у него не вызвала никакой реакции: у входа на парковку его остановил громадный парень и попросил прикурить, и пощелкивал он пальцами так, как будто высекал искру. Лугано никогда не расставался с двумя вещами: перочинным ножом и

зажигалкой, так что парню он помог. И вот сейчас резонно подумал, что здоровяк, что называется, «фотографировал» его, запоминал внешность.

– Интересная у вас фамилия, – продолжал Крайц. – Ваши предки – Луганины. Ваш отец немного переделал эту фамилию, когда узнал, что его отца и вашего деда поставили к стенке, объявив врагом народа. Он укоротил фамилию так, чтобы она оканчивалась на «о», руководствуясь, наверное, личной безопасностью.

– О какой личной безопасности вы говорите?

– Ваш отец в то время жил и работал в Западной Украине, – пояснил Крайц.

– Я этого не помню. В проекте я появился, когда отца перевели на работу в Москву. Мы будем говорить о нем?

– Я бы с радостью, но о нем в вашем досье мало что сказано. Когда я читал ваше дело, мне в голову пришла мысль: почему потомки врагов народа легко выбились в люди, тогда как потомкам героев сделать это было гораздо труднее? Я заметил, что в Советском Союзе так называемые невыездные выезжали за границу, а выездным путь был заказан даже в соцстраны.

Станислав Крайц говорил с заметным польским акцентом, и мысли его отличались стройностью.

– Ты читал мое досье? – перешел на «ты» Лугано, открывая дверцу со стороны пассажира и приглашая Крайца сесть в машину. – Что еще интересного ты в нем вычитал? Расскажи несколько деталей о моем предке, чтобы я тебе поверил.

Крайц живо откликнулся на просьбу Виктора, занимая место пассажира.

– Василий Луганин в начале 20-х годов возглавлял один из диверсионных отрядов на территории Польши, а контролировало деятельность отрядов Разведывательное управление. Такое положение дел продолжалось до февраля 1925 года, когда Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «организацию боевых сотен» передать компартиям Польши и Западной Украины на их территориях. Василий Луганин стал третьим руководителем повстанческого движения на Волыни. Был арестован в 1928 году. Расстрелян годом позже, за два месяца до

рождения своего сына и вашего отца. Эта история примечательна тем, что все трое состояли на службе в Разведывательном управлении.

- Наверное, ты действительно перелистывал мое досье. А в твое я могу заглянуть?

- Пожалуйста. Я состою в организации, которая только в этом отдельном случае получила доступ к секретным архивам военной контрразведки, размещенным в подвале профильного отдела. Это на Большой Дмитровке.

- Каким образом?

- Архив начали переводить в электронный вид. Наши хакеры взломали сервер и скачивали информацию по мере ее поступления. Изучая материалы, я лично заинтересовался агентурной группой «Восток». Первый состав: Панин, Собин, Бортнов, Гуреев, Кислицкий, Осянов, Меклер. Последний состав: Мартьянов, Лугано, Немиров, Кангелари...

- Можешь не продолжать. Чего ты хочешь?

- Заработать.

- Конкретно - наварить на секретных материалах. Извини, ты обратился не по адресу.

- Я не нашел Вадима Мартьянова, 1956 года рождения, - продолжал Крайц. - В базах данных нет такого человека. Вторым по списку был ты...

- Можешь не «выкать», - разрешил Лугано.

Он мысленно перенесся на двадцать лет назад, в ту комнату, которую собирался покинуть навсегда. Он забирает оба комплекта документов и делает выбор фактически в те мгновения, когда за окном полыхает его машина. Виктор не любил этих «если бы да кабы», но если бы он сделал выбор в пользу документов на имя Григория Бурова, не было бы и этой встречи с Крайцем. Получилось так, что этот поляк представлял для него серьезную угрозу. «Если и поставят на мне крест, то католический», - мрачно сострил он.

– Я подумаю, – сказал Лугано, поигрывая брелоком. – Только мне нужно знать, на какую сумму ты рассчитываешь. Ради интереса.

– Миллион, – ответил Крайц. – И ни долларом меньше.

Лугано рассмеялся:

– Тебе в аптеку надо, милый.

– Что ты знаешь о польском движении «Единство»? – задал вопрос Крайц, выразительно поведя бровями.

Чтобы полно ответить на этот вопрос, нужно было вспомнить историю, и Лугано начал с временного правительства национального единства, сформированного в июне 1945 года...

Прошло еще два года, и новые выборы легитимировали установившийся в Польше режим под руководством Болеслава Берута. Потом он был отправлен в отставку, его место занял узник... действительно только что освобожденный из мест заключения. Эти события сопровождалась выступлениями рабочих в Познани и заставили Москву всерьез рассмотреть вопрос об интервенции в Польшу. Узник оказался на высоте и урегулировал ситуацию. И разруливал ее более десяти лет. Его эра закончилась после подавления студенческих демонстраций и провозглашения шовинистической антиссионистской кампании, в результате которой остававшиеся в Польше евреи вынуждены были покинуть страну. В декабре 1970 года последовало повышение цен на товары народного потребления, что вызвало ряд забастовок и массовых волнений в крупных городах Польши. Новое правительство активно брало кредиты на Западе, в СССР, что только поначалу способствовало росту экономики. Однако к концу 1970-х годов, когда долг достиг 20 миллиардов долларов, страна упала в социально-экономическую яму. И еще одно «совпадение»: начало кризиса совпало с избранием краковского кардинала Войтылы римским папой. Правительство ввело режим всемерной экономии. Волна забастовок парализовала к концу августа балтийское побережье, закрылись угольные шахты Силезии. 31 августа 1980 года рабочие верфи имени Ленина в Гданьске во главе с токарем Якубом Вуйцеком подписали с правительством соглашение, и забастовка была прекращена. Вуйцек стал лидером общенационального движения «Единство», и первое, что сделал, это разразился программной речью:

«За две недели до того, как я возглавил «Единство», у меня не оставалось никаких сомнений: Советы – наш враг. Наши враги стоят у руля МВД, КГБ, Минобороны... с их предельной жестокостью на грани помешательства к польской нации, с их высказываниями о том, что польского государства не существует. Эти люди – нацисты». А польское правительство все больше утрачивало контроль над ситуацией. В декабре 1981 года министр обороны – он же премьер-министр и генеральный секретарь партии – ввел военное положение. Все активисты «Единства» были интернированы, а его лидер – убит. Потому что эти люди представляли угрозу всему восточному блоку, сформировав массовое антикоммунистическое объединение. Якуба Вуйцека убил лично Виктор Лугано. Он готовил это покушение вместе с Вадимом Мартьяновым. Первый номер в группе был на подстраховке, второй являлся непосредственным исполнителем. Это произошло летом 1983 года. Лугано тогда едва исполнилось двадцать два.

– Какие документы указывают на меня и на Мартьянова? – спросил он после продолжительной паузы.

– Не так много документов, но все они очень... лаконичные.

– Финансовые, например? – закинул удочку Лугано. Если Крайц ответит «да», то Лугано поймает его на лжи. Группа «Восток» была независима в финансовом плане и не заполнила ни одного оправдательного документа о расходах.

– Вот чего я не нашел в архиве, так это денежной отчетности.

Лугано усмехнулся.

– Хорошо. Объясни, как ты вышел на «Восток»? Что привлекло твое внимание в этом электронном ворохе документов?

– В первую очередь – распоряжение начальника военно-статистического отдела о создании агентурной группы из семи человек и присвоение ей наименования «Восток», – начал Крайц. – Такое же название фигурировало в современных документах. И тот, кто может мыслить логически, без труда заполнит середину: тридцатые, шестидесятые, восьмидесятые годы. Лично я легко представил цепочку агентов, растянувшуюся во времени и пространстве. Что такого ценного в архивных документах 1918 года?

– Ты меня спрашиваешь? Говори слитно и не делай пауз. Когда будет нужно, я перебею тебя. Так что такого ценного ты выделил в архивных документах 18-го года?

– В них лежал исходник. И если бы не он – как продолжение логической цепочки, то материалы можно было бы отнести на «революционную помойку». В далеком прошлом была создана спецгруппа из семи человек, и только один из них не имел своего района. Он был универсальным агентом. Он считался старшим, но всегда был на подхвате: только помогал тому из своих товарищей, который в определенное время и на своем участке выполнял работу. В чем заключалась его универсальность? Во-первых, знание иностранных языков: скандинавские, итальянский, японский, немецкий, пушту и дари, может быть. Во-вторых, знание подрывной работы. Изучая архивные материалы, я подумал: что если кто-то из секретных агентов «Востока» дожил до сегодняшнего дня? Нет, абсурд. Если даже он на момент комплектования группы был восемнадцатилетним юнцом, то сегодня он был бы рекордсменом среди долгожителей. Возможно, жив кто-то из его родственников, сын или дочь. Но тоже девяностолетняя развалина. Нет, связь с настоящим лежала в самом создании группы, которая словно прошла через десятилетия не старея. Не старея. Эта мысль подняла волосы на моей голове. Она не была фантастической – напротив, реальнее, чем она, для меня в тот момент не существовало. И я, точно зная, что искать, нашел документальное подтверждение тому, что не отдельные агенты группы «Восток» дожили до наших дней, а сама группа как организм, как структура. Из группы уходили одни, и приходили другие, задачи ее оставались неизменными. Как и в 1918 году, она находилась в прямом подчинении начальника разведки. Вначале это была разведчасть, потом разведотдел, и уже потом управление. Я сверился с официальными данными, которые легко нашел в Сети: в ноябре 1918 года начальником Региструпа был штабс-капитан Семен Аралов. Это он, советский разведчик и дипломат, возглавлял список руководителей советской военной разведки. Дальше «Восток» пошел по рукам его преемников: Гусева, Пятакова, Ауссема, Ленцмана, Зейбота, Борзина, Урицкого и многих других? Почему нет? Ведь доподлинно известно, что даже у нынешнего шефа ГРУ в личном подчинении находится группа секретных агентов. Кто они? И сколько их? Сколько их в группе «Восток»?.. И тогда я дал себе команду: стоп, не заикливаться. Я чувствовал, что к истине был близок настолько, что боялся спугнуть ее. Боялся даже такой мелочи, как название группы. Если представить ее как аббревиатуру от военно-статистического отдела, то в ней не хватало буквы «К». Она что-то значила?.. Да черт с ней! Мне понадобилась неделя на то, чтобы узнать имена вчерашних

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Российская академия наук; до декабря 1991 года – Академия наук СССР.

2

Тофет – место на юге Иерусалима, где некогда стоял идол Молоха, которому приносили в жертву детей, сжигая их на огне.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nesterov_mihail/agent-silovoy-razvedki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)